

Будете у нас на Колыме...

ОПЫТ ПРОПОВЕДИ СЛОВА БОЖИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

БОЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ

В 1996 году по просьбе епископа (ныне архиепископа) Якутского и Ленского Германа, в Якутию впервые отправились два священника из Белгорода. Через год после этого, уже имея представление о подобных поездках, Ректор Белгородской семинарии архиепископ Иоанн расширил состав группы, и в Якутск вылетели 9 человек: 3 священника и 6 семинаристов. Миссия началась прямо в аэропорту Внуково, где многие с удивлением смотрели на молодых людей в черном, и продолжилась в самолете, где кто-то «схлестнулся» с баптистом в знании Писания, кто-то «принимал исповедь» преступника-наркомана, кто-то объяснял благочестивым православным, что свечи — это не самое главное в христианстве...

Еще в Москве все готовились к холодной Сибири. В полную «боевую готовность» были приведены зимние сапоги и теплые куртки. Но оказалось, что мы перестарались: температура воздуха в Якутске была +30°C, а воды в Лене — +21°C, где мы, кстати, в тот же день и искупались. Комаров почему-то было гораздо меньше, чем ожидалось, — позже мы узнали, что сезон, к счастью, уже прошел. Четыре дня вся группа находилась в Якутске — акклиматизировалась (более сухой климат, 6 часов разница во времени с Москвой) и вникала в обстановку.

Якутия — самая большая по территории православная епархия в мире (с преобладанием православного населения), хотя зарегистрированных общин на тот момент было лишь около 30, храмов — 16, а священников — всего 12. В самом Якутске два храма — Никольский кафедральный собор, освященный в 19 веке святителем Иннокентием (Вениаминовым), и Покровский храм, при котором расположен женский монастырь (около 10 послушниц) и епархиальное управление. Принимали нас удивительно ласково и радушно. Отношение республиканского правительства к Православию довольно прохладное. Традиционная религия — шаманизм — практически вымерла, но ее пытаются реанимировать как элемент национальной «самостийности». В Республике официально зарегистрировано более 60-ти сект, некоторые из которых, например, Новоапостольская Церковь, имеют молитвенные дома в Якутске и других городах.

Население Республики — около одного миллиона. Из них приблизительно половина — русские, чуть меньше якутов, а остальные проценты приходятся на украинцев, эвенков, эвенгов, юкагиров, чукчей, бурят. Несмотря на это, преобладание якутов на всех уровнях власти очевидно. Местные относятся к русским без особого энтузиаз-

ма. Хотя и не часто, но можно услышать фразы типа «Якутия — для якутов». В разных улусах (районах) процентное соотношение этносов различно: в большинстве преобладают русские, но есть и чисто якутские улусы. Почти все якуты знают свой язык (чего не скажешь, например, о чукчах), как, впрочем, и русский.

После Преображения мы разъехались в разные улусы, разделившись на 3 группы (1 священник и 2 семинариста): первая тройка — в Вилюйский и Верхневилуйский на Западе Республики, вторая — в Чурапчинский и Таттинский, недалеко от Якутска (чисто якутские районы), мы же, то есть отец Иннокентий, Олег и я, вылетели на юго-восток — в Усть-Майский улус. Кстати, до боль-

шинства городов и поселков Якутии можно добраться только воздушным или водным транспортом. Лишь кое-где есть автодороги, а на юг Республики заходит железнодорожная ветка от БАМа. С осени до весны важным путем сообщения становятся «зимники» — автодороги по расчищенному снежному насту и рекам.

ГДЕ ВЫ БЫЛИ РАНЬШЕ?

Опорным пунктом нашей деятельности был центр улуса — поселок Усть-Мая. До революции здесь находился храм, который в 30-х годах сожгли комсомольцы. Сейчас община собирается в домовом Михаило-Архангельском храме семьи Поповых, у которых мы и остановились. Здесь в полной мере можно было ощутить, что такое настоящее сибирское гостеприимство. Условия жизни, питание, баня, изумительная природа — все это напоминало скорее курорт, чем суровый полуязыческий край.

Собственно миссионерство наше заключалось в совершении богослужений и таинства крещения в самых различных местах, а также проповеди, принимавшей самые разнообразные формы. Мы побывали в администрациях, домах культуры, школах, больницах, редакциях газет, общались с людьми просто на улице, на кораблях, в самолетах... Население улуса по преимуществу русское, но отношение главы администрации к Православию, как и к религии вообще, оставляет желать лучшего. Все затраты на наше содержание и дорожные расходы взяли на себя епархия и община. Приходили креститься и русские, и якуты, и все остальные. Жаль только, что в каждом поселке мы были лишь по 2–3 дня. Естественно, по-настоящему просветить людей за такое время невозможно. Но отказывать в крещении лишь на этом основании мы считали недопустимым, памятуя слова Христа: *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 37). Люди шли, задавали вопросы, крестились, исповедовались, причащались, благодарили, спрашивали: «Где вы были раньше?» — Что тут было ответить?!

Практически в каждом поселке прослеживалась такая закономерность: в первый день людей приходило мало, затем все больше и больше. Информация о нас была известна заранее, так что объясняется это, видимо, тем, что сначала люди присматривались, прислушивались. Когда же они, наконец, понимали, что мы — православные и совсем не страшные, то нам, к сожалению, пора было уезжать. Были интересные и забавные случаи. Однажды после всенощной к нам подошел молодой эвенк лет девятнадцати. Завязалась беседа, в которой мы с Олегом максимально доходчиво пытались разъяснить основы Православия этому простому парню из якутской глубинки. Позже мы узнали, что «простой парень» был студентом второго курса Оксфорда. Он отдыхал дома на каникулах. Отправка лучших выпускников школ со всей Республики в университеты Европы, Азии и Америки — обычное дело в Якутии. Также проводится интенсивный обмен студентами между Якутским Государственным Университетом и зарубежными университетами. В этом заслуга республиканского правительства.

МОЖЕТ ЧТО-НИБУДЬ ПРИПЛЫВЕТ...

В Усть-Мае мы пробыли два дня, а затем отправились на «кукурузнике» в поселок Усть-Миль, который находится в 120 километрах к югу от центра улуса (по якутским понятиям — соседняя деревня, а сам Усть-Майский улус, далеко не крупнейший в Якутии, по площади примерно в два раза больше Московской области). Когда-то здесь был деревозаготовляющий совхоз. Теперь от него остались только многочисленные поленницы у каждого дома. Кстати, практически все здания в большинстве поселков улуса, в том числе и в Усть-Мае, — деревянные. После развала совхоза работать усть-мильцам стало практически негде, поэтому средства к существованию теперь каждый добывает как может: домашним хозяйством, охотой, промыслом пушного зверя, которого в тайге еще много, рыбалкой, сбором ягод, грибов и так далее. Все, кто может, уезжают либо на «материк», либо в Якутск, либо хотя бы в улусный центр. И так практически везде в Республике. Как это ни прискорбно — Север «вымирает».

Крестили в клубе. Там же отслужили первую в истории поселка Божественную Литургию. С возвращением из Усть-Мили возникли проблемы: на самолет денег не было, моторку найти не удалось. Оставалось одно — сидеть и ждать какого-нибудь корабля по реке Алдан (крупнейший приток Лены, основная транспортная артерия улуса). Сколько ждать — неизвестно. Может что-нибудь приплывет через два часа, а может и через неделю. Кто бы мог подумать: ждать несколько дней, а то и неделю, чтобы добраться до райцентра? И это в конце двадцатого века! Здесь, в Якутии, другие масштабы, другой темп жизни... Нам, впрочем, повезло: на третий день ожидаемый приплыла баржа, на которой мы и вернулись в Усть-Маю. Весь путь проповедовали. Отца Иннокентия спросили, не он ли это выступает каждую субботу по телевизору, имея ввиду, видимо, митрополита Кирилла. Тем, кто впервые видит живьем людей в рясах и подрясниках, довольно сложно объяснить, что митрополиты не ездят по якутской глубинке. Одну супружескую пару из состава экипажа позже мы повенчали.

После этого мы пробыли целую неделю в Усть-Мае, выехав лишь однажды в Петропавловское — поселок при

аэропорте улусного центра. В Усть-Мае же, в кругу общины встретили Успение. Кстати, об общине. Входит в нее человек двадцать. Глава — Всеволод Александрович Попов, бывший редактор районной газеты «Усть-Майский вестник», которого знают почти все в улусе. Его жена, Галина Леонидовна, ведет воскресную школу прямо у себя дома. Люди регулярно собираются, молятся... Во дворе есть импровизированная звонница — два боцманских колокольчика, свинченных когда-то вездесущим Всеволодом со старых кораблей.

Почти одновременно с нашим возвращением из «Усть-Мильского пленения» в гости к Всеволоду и Галине приехала чета французских ученых-экологов (Оливье и Бриджит), познакомившаяся с нашими хозяевами год назад, когда они приезжали в Усть-Май для наблюдений полного солнечного затмения (нам, русским не дано понять этих западных людей). Общение происходило на английском, которым мы владели довольно скверно, а они — лишь немногим лучше. Нам оставалось удивляться, как они общались с хозяевами в предыдущий приезд: те почти ни слова не понимают ни по-французски, ни по-английски. Познания же наших ученых в русском ограничивались каким-нибудь десятком слов типа «доброе утро», «здравствуйте», «хорошо» и почему-то... «крыша поехала». Когда Бриджит произносила последнюю фразу со своим французским акцентом, мы были в восторге. Наше общение было интересным, несмотря на то, что Бриджит называла себя человеком нерелигиозным, а все католичество Оливье заключалось в еженедельном просмотре мессы по телевизору. Не лучше дело обстоит, по их словам, и во Франции в целом: если в сельской местности в храмы еще кто-то ходит, то в городах костелы пустуют. Поэтому их искренне удивляло довольно большое количество людей, приходящих к нам.

Как истинные миссионеры, мы занимались изучением местной культуры: посетили краеведческий музей (само наименование которого в такой глуши уже приятно удивляет) и улусный отдел культуры, где нам подарили по хамусу (это такой губно-зубной музыкальный инструмент, который производит специфические звуки и у всех ассоциируется с северными народностями). Освоению сего плода сибирского народного гения мы посвятили большую часть досуга.

ПЕРЕКУСИМ?

Первого сентября выехали в северо-восточную часть улуса. Первым поселком на пути следования был Эльдикан, куда мы добрались по Алдану на рейсовом теплоходе. Здесь крестили также в клубе, а жили в гостинице. Как и в Усть-Мильской поездке, нас сопровождал Всеволод.

До следующего пункта назначения — поселка Солнечного, находящегося среди южных отрогов Верхоянского хребта, добирались на «УАЗике», который предоставила эльдиканская администрация. Этот двухсоткилометровый переезд по горной дороге оставил неизгладимое впечатление. Проехав 40 км, мы остановились как раз в начале горной зоны. Наш водитель и трое из другой машины, ехавшей следом, решили «перекусить»: выпили на четверых бутылочку водки, запили небольшим количеством тоника и закусили рыбкой с огурцами. Это нас несколько озадачило, но главное было еще впереди: мы останавливались еще четырежды, и каждый раз выпивалась бутылка водки, немного тоника и съедлось все меньшее количество закуски. Позже мы узнали, что на этой дороге все водители непременно останавливаются на этих стоянках и «перекусывают». После этого уже неудивительно было слушать рассказы о многочисленных авариях на довольно пустынной дороге, в которых почему-то почти никто не погибал. Водитель рассказывал на удивление весело и добродушно: «Еду я как-то, зазевался, а тут навстречу — МАЗ. Что делать? Направо — отвесная скала, налево — спуск, более-менее пологий. Я — туда, а какие-то пионеры 30 лет назад там сосну посадили!» Никакого ГАИ в этих краях, естественно, не существует. Дорогу строили заключенные в 40–50-х годах. После этого она ни разу не ремонтировалась, деревянные мосты давно разрушились, поэтому почти все горные реки пришлось переезжать вброд. Езда по мере приближения к Солнечному вызывала все более острые ощущения: в организме водителя было уже около бутылки водки, дорога становилась все более извилистой и опасной, а ко всему этому надвигалась темнота. На неровности дороги уже не обращалось никакого внимания, скорость на поворотах почти не сбавлялась, а добродушные рассказы все лились и лились... Милостью Божией к часу ночи мы все-таки доехали и остановились у сына Всеволода, Юрия. Если люди столько пьют за рулем, наверное, не надо объяснять, сколько они пьют во всех других случаях. Да, в этом нам, слава Богу, до них еще далеко.

КРАЙНИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СЕВЕРА

В Солнечном мы пробыли два дня. Крестили в здании администрации, где нас приняли очень хорошо. Были в редакции улусной газеты, той самой, в которой работал Всеволод. Издается она в Солнечном, так как до 1991 года здесь был райцентр. Поселок самый современный в улусе: есть каменные трехэтажки, школа, Дворец Культуры. До недавнего времени основным занятием населения была золотодобыча, о чем свидетельствует обвет-

шавшее здание с вывеской «Джугджурзолото» — бывший офис когда-то процветавшего предприятия. (Джугджур — одно из названий местных гор). Сейчас добыча почти прекращена, и многие жители остались без работы. Что ждет поселок дальше? — Видимо, то же, что и соседний (8 км от Солнечного) Ыныкчан, где мы тоже побывали. Его уже официально закрыли, то есть ни в каких списках населенных пунктов он не числится и никакому обеспечению не подлежит. Куда деваться людям, правда, не сообщили. Многие жители во время нашего визита уезжать оттуда не собирались — некуда. Кстати, по дороге из Эльдикана в Солнечный нам довелось видеть конечный этап «развития» Севера — абсолютно заброшенный поселок Акра. Зрелище удручающее.

В Ыныкчане с 1978 по 1982 жил на поселении некто Г.П.Якунин, которого местные еще помнят. Был, говорят, тихий, спокойный, мало с кем общался, о религии не говорил. Все больше читал получаемые с Запада книги. Может, здесь и был разработан план по созданию «Церкви Возрождения»?

БАПТИСТЫ, «ЧАЕК» И «ЧЕБУРАШКА»

В Солнечном нам довелось впервые в жизни серьезно дискутировать с баптистами. В поселке существует их община, в которой гостил тогда один заезжий проповедник. Именно он с местным «главой» подошли к нам после крещения очередной группы людей. Памятуя советы отца Андрея Кураева, мы развели их поодиночке и таким образом беседовали двумя группами: Олег — с местным, отец Иннокентий и я — с приезжим. Собеседник Олега был менее упертым, поэтому кое в чем они сошлись, наш же — типичный сектант со стеклянными глазами и четкой установкой на невосприятие критики в адрес своей конфессии. Кто знает, может что-нибудь из сказанного нами войдет в их сердца — Бог Всемогущ. Для нас же польза беседы очевидна: именно в живом диспуте лучше понимаешь схемы их мышления, аргументацию, оттачиваешь доводы, видишь свои слабости. Жаль только, что мы приехали и уехали, а их община осталась. И, вполне возможно, что кто-то из крещеных нами окажется со временем в их лагере... Да, в улусе нужен хотя бы один постоянный священник, так как миссионеры могут приезжать не чаще одного-двух раз в год. К слову, общины баптистов, пятидесятников или еще кого-нибудь есть почти в каждом поселке, наша же — только в Усть-Мае. И это положение характерно не только для большинства улусов Республики Саха, но для многих других регионов Сибири и Дальнего Востока. Возвращались из Солнечного в Эльдикан на «Ниве», которой вздумалось сломаться через 40 км пути. Так и ночевали в машине, под дождем, на горной дороге. Уходить далеко Всеволод не рекомендовал: вокруг вполне могли быть медведи, а рассказов о них мы слышали за поездку немало. К утру нас подобрала попутная МАЗы, и днем мы были в Эльдикане. Что в Сибири хорошо — попутки всегда останавливаются.

В Эльдикане пробыли еще день — крестили, в гостях были, «чаек пили». Это выражение в Якутии, как мы поняли, означает грандиозное застолье с обилием яств и

питий, в числе которых чая может и не быть. На следующий день на теплоходе добрались до Усть-Маи, там отслужили последнюю Литургию и повенчали наших хозяев — Всеволода и Галину, уже 30 лет живущих вместе, но «созревших» только сейчас.

А затем настал момент расставания со ставшими уже родными Усть-Маей, Алданом, общиной, хозяевами и их гостеприимным домом. Час полета на Л-410, который здесь называют «чебурашкой», — и мы в Якутске, где уже собрались две другие группы. Здесь выяснилось, что за прошедшие три недели все вместе мы крестили около полутора тысяч человек, обвенчали несколько пар, освятили множество домов, магазинов и прочих заведений, раздали около тысячи книг, брошюр и икон. Количество людей, с которыми пришлось просто пообщаться, подсчету не поддается. Затем последовал последний прием у владыки Германа, отчет о проделанной работе. И вот, родная Москва встретила нас пасмурным дождливым вечером...

ДЕРЗАЙТЕ, ОТЦЫ И БРАТЬЯ!

Что можно сказать о таких поездках? Слава Богу, что сейчас они стали возможны — люди в глухих регионах России могут хотя бы один-два раза в год видеть и слышать православного священника, исповедоваться, причащаться, получать советы и наставления. Конечно, в идеале нужен постоянный священник и храм хотя бы в каждом улусном центре. А пока это невозможно, желательно хотя бы увеличить срок пребывания в поселках миссионерских групп до 7–10 дней, доставлять и распространять большее количество литературы, использовать для проповеди видеоматериалы и так далее. Ну и самое главное — нужны люди, которые хотели бы этим заниматься. А откуда им взяться, как не из духовных школ Русской Православной Церкви. Ведь в одиночку белгородцам не справиться со всей Сибирью! Так что дерзайте, отцы и братья!

Боронтов Марк, 1 курс МДА